

Л. Е. ГОРИЗОНТОВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСТОРИКОВ СССР И НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ В РАМКАХ СОГЛАСОВАННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ¹

THE INTERACTION OF HISTORIANS OF THE USSR AND PEOPLE'S POLAND WITHIN THE FRAMEWORK OF THE COORDINATED MEMORY POLICY

The relations between Russia and Poland were historically very close and often conflict. After World War II this made it important to develop a coordinated Soviet-Polish memory policy aimed at strengthening friendly ties. The leadership of both countries emphasized the unifying moments between them in the past, especially the struggle against common enemies. The article examines the development of cooperation of historians from the mid-1940s to the end of the 1980s. 1956 and 1980 are highlighted as turning points. Among the forms of interaction of scholars, discussion of the works, publication of multi-volume documentary series, and dialogue on the platforms of bilateral commissions were of particular significance.

The coordinated memory policy defined thematic priorities, forbidden zones, correct Marxist interpretations, and the composition of participants of common projects. Official version of Polish history combined a patriotic narrative with the recognition of the legitimacy of the socialist choice.

The interaction between historians was not limited to the implementation of the dictates of the Soviet side. Despite obvious distortions of the past, the coordinated policy brought valuable scientific results. It did not solve its political super-task, but the experience of cooperation was important for continuing professional contacts in the post-socialist period.

Keywords: USSR, Poland, post-war period, memory policy, historical science, scientific cooperation, Sovietization

Leonid E. Gorizontov – DSc in History, Professor, Russian State University for the Humanities; leading research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. E-mail: lgorizontov@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2253-1422

1 *Citation: LEONID GORIZONTOV, „Vzaimodeistvie istorikov SSSR i narodnoi Pol'shi v ramkakh soglasovannoi politiki pamiaty” [The Interaction Of Historians Of The USSR And People's Poland Within The Framework Of The Coordinated Memory Policy], *Russian-StudiesHu* 8, no.1 (2026): 37–55. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.3*

В период между двумя мировыми войнами контакты советских историков с их польскими коллегами практически отсутствовали. Процветавшее в дореволюционной России славяноведение при новой власти подверглось гонениям. Репрессии в среде польской коммунистической эмиграции в СССР минимизировали даже взаимодействие с идейно близкими элементами. На рубеже 1930–40-х гг. резкие повороты в советско-германских и сопряженных с ними советско-польских отношениях обусловили большую изменчивость советских оценок польской историографии².

Созданный в СССР в 1943 г. Союз польских патриотов (СПП) озаботился отбором прогрессивных национальных традиций, которые, обладая высоким мобилизационным ресурсом, устраивали бы и Кремль. По иронии судьбы лидер СПП В. Василевская была дочерью руководителя Института исследования новейшей истории Польши, где разрабатывалась политика памяти санационного режима, в которой ключевое место отводилось борьбе за независимость. Приемлемой сочли версию, соединяющую коммунистические представления об историческом прогрессе с польским патриотическим нарративом.

Одновременно в военные годы возрождались историческая полонистика, кадры для которой готовились в том числе из находившихся в СССР поляков. Ведущая роль принадлежала историку дореволюционной формации В. И. Пичете³. В середине 1940-х гг. конъюнктура благоприятствовала разработке истории многовекового славяно-германского противостояния и национально-освободительной борьбы поляков в XIX в.

Польское и советское патриотическое видение прошлого было весьма сложно гармонизировать ввиду насыщенности истории двусторонних отношений конфликтами. Однако культ Т. Костюшки сосуществовал с возродившимся почитанием дореволюционных русских полководцев. В “польской” главе беллетристической биографии Суворова в качестве эпиграфа выступала его формула “Не мщением, а великодушием покорена Польша”. Не упоминая о Костюшке, советский автор прославлял русское оружие, акцентировал славяно-немецкую вражду, обличал панов и ксендзов, настраивавших поляков против России. Все

2 Л. Е. Горизонтов, “Методологический переворот’ в польской исторической науке на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки”, *Славяноведение*, по. 6 (1993): 151–153.

3 М. Ю. Досталь, *Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы)* (Москва: Индрик, 2009).

в 1794 г. завершилось как нельзя лучше: “В Польше настала долгожданная тишина. Мир. Rokój. Кто старое помянет, тому глаз вон!”⁴. Народная Польша сохранила гимн, созданный в конце XVIII в. в честь воевавшего впоследствии против России генерала Г. Домбровского.

На первом послевоенном съезде польских историков во Вроцлаве (сентябрь 1948 г.) присутствовала делегация советских историков и образовалась группа историков-марксистов, ориентированная на советизацию науки и составившая определенную аналогию Обществу историков-марксистов второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. Правда, у польских историков-марксистов отсутствовал лидер масштаба М. Н. Покровского. Более громко группа заявила о себе на I конгрессе польской науки летом 1951 г. Среди активных проводников марксизма в Польше были историки, внесшие в дальнейшем существенный вклад как в науку, так и в советско-польское сотрудничество.

Утвердилась практика обмена делегациями ученых по разным “линиям”, в том числе в рамках деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей и Славянского комитета СССР. В непродолжительный период, который принято считать временем сталинизма в Польше, было положено начало рабочим встречам для обсуждения проспектов и рукописей обобщающих трудов по истории Польши, которые в экстренном порядке готовили коллективы в обеих странах. Отправка делегаций, их состав, а иногда и тематика предстоящих выступлений рассматривались на уровне Политбюро ЦК⁵. Заинтересованность в консультациях носила обоюдный характер, а проводившиеся на платформе исторического материализма дискуссии нередко выявляли концептуальные разногласия. Если у польских историков ощущался недостаток марксистской искушенности, то советская историческая наука была небогата профессиональными полонистами. Однако допускаясь В.И. Пичетой участия польских коллег в советских проектах на повестке дня уже не стояло.

Первое советско-польское совещание историков состоялось в октябре 1950 г. в недавно созданном Институте славяноведения АН СССР. Основанием для отбора польских участников послужили их “научно-политические характеристики”. От делегирования в Москву прогрессивно мыслящих беспартийных историков, которых предполагалось

4 Л. РАКОВСКИЙ, *Генералиссимус Суворов* (Москва, Ленинград: Гослитиздат, 1947), 291.

5 Е. Д. ЕСАКОВ (ред.), *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991* (Москва: РОССПЭН, 2000), т. 1: 1922–1952.

направить на путь истинный, контролирующие инстанции отказались. Подобный способ селекции не способствовал качественному уровню сотрудничества. Составлявшие тогда меньшинство в польском профессиональном сообществе марксисты в значительной степени концентрировались в партийных научно-образовательных структурах, которые тяготели к родственным, служившим для них образцом советским институциям.

На рубеже 1951–1952 гг. состоялась методологическая конференция в Отвоцке близ Варшавы, где советские гости не поддержали радикального рвения польских историков-марксистов. Делегации советских историков, в которых важную роль играли беспартийные медиевисты старшего поколения Б. Д. Греков и Е. А. Косминский, оказались успешными на поприще научной дипломатии. Оба академика не только были известны за рубежом, но и, получив образование в Царстве Польском, находили в Польше старых знакомых.

Хотя посещавший Польшу вместе с ними представитель поколения красной профессуры и преемник Грекова на посту директора Института истории АН СССР А. Л. Сидоров скептически относился к теоретической подготовке своего шефа, он считал успешным советский опыт “перевоспитания старшего поколения” историков и призывал научную молодежь стран народной демократии воздержаться от излишне резкой критики. В отношении к патриотически настроенным старикам следовало соблюдать “осторожность и терпение”. Сидоров считал, что легче взаимодействовать со “старыми кадрами” польской интеллигенции, зачастую хорошо владевшими русским языком, чем с теми, чье формирование пришлось на межвоенный период. Исключение составляли “наиболее грамотные в марксистском отношении” коммунисты типа Т. Данишевского, долгое время жившие в СССР. Их работы по истории рабочего движения и социал-демократии, однако, встречали “пренебрежительное отношение” в среде польских историков⁶.

Посланцы советской науки пропагандировали ее преимущества. Народная Польша восприняла опыт не только создания исследовательских и образовательных партийных центров, но также централизации науки, плановой и коллективной работы. Открытый в 1953 г. в составе новой Польской академии наук (ПАН) Институт истории возглавил медиевист Т. Мантейфель, которого в 1950 г. собирались

6 В. Г. БУХЕРТ (ред.), А. Л. Сидоров. *Научно-документальное наследие: воспоминания, переписка* (Москва: Архив РАН, 2025), 152, 158–164, 188, 215–217, 219, 251.

пригласить в Москву, несмотря на его участие в советско-польской войне 1919–20 гг. и активность в период Второй мировой войны в подпольных структурах, руководимых из Лондона. Будучи политическим реалистом, после войны он призвал своих коллег прекратить партизанскую борьбу и заняться организацией университета⁷.

Именно Институт истории ПАН стал основным партнером Института славяноведения – главного средоточия исторической полонистики в СССР. Таким образом, в двустороннем сотрудничестве была преодолена институциональная асимметрия. Партийным историкам не удалось монополизировать советско-польские научные контакты, которые были перенесены на почву фундаментальной науки, а их предмет не получилось свести к проблематике новейшей истории. Параллельно развивались также межвузовские контакты, советские университеты давали историческое образование польской молодежи.

Обсуждение польскими историками на подготовительных стадиях первого тома советской “Истории Польши”, доведившего изложение материала до середины XIX в., не привело к созданию согласованного текста. Опубликованный в 1954 г. том встретил критику в Польше, что имело следствием подготовку его исправленной версии, увидевшей свет в 1956 г.⁸

В 1955 г. лидер ПНР Б. Берут в очередной раз прозондировал почву в Москве по поводу снятия запрета на упоминание репрессированных деятелей Коммунистической партии Польши, без чего писать о новейшей истории страны было крайне затруднительно. В следующем году состоялась международная реабилитация этой партии. На правду о польской операции НКВД, депортациях, секретных советско-германских протоколах августа – сентября 1939 г. и Катыни Хрущев не решился, хотя из Варшавы поступали сигналы о повышенном интересе польского общества к закрытым темам последних двух десятилетий⁹.

Новый период сотрудничества историков начался в 1956 г., отмеченном существенным изменением общественно-политической ат-

7 К. Модзелевский, «Освободить страну от нацистов – отстоять университет при коммунистах. Гражданский путь Александра Гейштора», в *Польша, Россия и Европа в судьбе историка. К столетию Александра Гейштора*, ред. Л. Е. Горизонтов (Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2016), 67.

8 JAN SZUMSKI, *Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964* (Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2016), 256–261; БУХЕРТ, А. Л. Сидоров, 216.

9 А. М. ОРЕХОВ, “XX съезд КПСС и положение в Польше. Советские и польские руководители на Старой площади”, *Славянский альманах 2011*, no. 16 (2012): 515, 524, 528.

мосферы в обеих странах. В декабре 1957 г. состоялось заключение договора между академиями наук, создавшего организационно-финансовые условия для взаимодействия ученых на постоянной основе. В его инициировании принимал участие польский историк и государственный деятель Г. Яблонский¹⁰.

Во второй половине 1950-х гг. получили поддержку замыслы совместной подготовки двух многотомных публикаций источников, одна из которых была посвящена восстанию 1863–64 гг., а другая – советско-польским отношениям. Уже в начале 1960-х гг. увидели свет первые тома обеих серий. Работу по XIX веку координировали И. С. Миллер (до 1977 г.) и В. А. Дьяков, связанные с кругом академика М. В. Нечкиной, С. Кеневич и его преемница В. Сливовская. Примечательно, что в 1950 г. против приглашения Кеневича в Москву категорически возражало польское руководство. И. С. Миллер утверждал, что “именно революционные связи являются ключевой, определяющей линией русско-польских отношений во всех их проявлениях, во всех, включая и самые, на первый взгляд, далекие от политики сферы”¹¹.

Разработкой XX века руководили И. А. Хренов (до 1975 г.), И. И. Костюшко и Л. Базылев. И. И. Костюшко, начинавший с изучения аграрной истории польских земель в XIX в., стал впоследствии энтузиастом поворота к сюжетам новейшего времени. Эдиционная деятельность надолго стала ключевой областью сотрудничества советских и польских историков.

Во времена оттепели также обсуждалось создание Комиссии историков СССР – ПНР, которая начала свою деятельность во второй половине 1960-х гг.¹² Первыми ее сопредседателями стали специалисты по раннему славянскому Средневековью антинорманисты академики Б. А. Рыбаков и Г. Ловмянский. Если стимулами к разработке истории польского восстания послужили его столетний юбилей и рост национально-освободительного движения в мире, то актуализации древности способствовало широкое чествование в ПНР в 1960–66 гг. тысячелетия государственности.

10 В. Ю. Афиани, Е. Д. Есаков (ред.), *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922–1991* (Москва: РОССПЭН, 2010), т. 2: 1952–1958, 689–691.

11 И. С. Миллер, *Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.* (Москва: Наука, 1980), 180.

12 Л. П. Марней, «Комиссия историков СССР и ПНР 1965–1968 годов: к истории основания», в *Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши)*, ред. Н. А. Макаров (Москва: Индрик, 2017), 43–60.

Место комиссии в двустороннем сотрудничестве определялось широким представительством в ней различных областей исторической науки и исследовательских центров. Основной формой деятельности стало регулярное проведение тематических конференций в СССР и ПНР с последующим изданием их материалов. Первая конференция в 1968 г. концентрировалась на историографической проблематике. Сменивший Ловмянского в 1973 г. Л. Базылев являлся директором Института социалистических стран ПАН, основные его научные заслуги были связаны с изучением новой истории России и подготовкой историков-русистов.

Получила продолжение практика перевода исторических книг и статей, а также взаимного рецензирования. Советской печатной продукции переводилось больше польской. Из секретной записки МИД СССР 1961 г. следовало, что при переводе польской художественной и научной литературы необходимо не только руководствоваться ее тематикой, но и принимать во внимание “политическое лицо и взгляды” авторов. Книги делились на “нежелательные” и “нужные”. Признавалась необходимость консультироваться с “польскими товарищами” и советским посольством в Варшаве, не доверяя частным инициативам переводчиков¹³.

Показательно восприятие книги представителя Варшавской школы истории идей А. Валицкого о русском славянофильстве (1964 г.). Советских критиков не устраивало рассмотрение последнего в качестве течения консервативной мысли. В СССР тогда было принято считать славянофилов либералами ввиду их вовлеченности в буржуазные Великие реформы. Негативная оценка книги Валицкого, фактически инкриминировавшая ему отход от марксизма, в 1971 г. была даже зафиксирована в “Советской исторической энциклопедии”.

Начинания эпохи оттепели продолжали реализовываться во вновь изменившейся в СССР и ПНР во второй половине 1960-х гг. ситуации. В Польше возросло влияние националистически и антисемитски настроенной группы “партизан”, а в СССР обозначился отказ от десталинизации. Отношения между странами советского блока после Пражской весны определила “доктрина Брежнева”. Тем не менее, можно говорить о длительном периоде 1956–1980 гг., когда, несмотря на политические бури, сотрудничество советских и польских историков от-

13 В. Ю. Афиани (ред.), *Идеологические комиссии ЦК КПСС, 1958–1964: Документы* (Москва: РОССПЭН, 1998), 275–281.

личалось большим размахом и плановой стабильностью. На основе эквивалента осуществлялись командировки и стажировки. Именно в это время между историками двух стран установились прочные связи не только делового, но и человеческого характера, в которых участвовали представители нескольких поколений.

Утвердились тематические приоритеты и ограничения, а также нормативный канон интерпретаций. Выбор делался в пользу пястовской геополитической традиции, что отражало освоение послевоенной моноэтнической Польшей западных земель. Подчеркивалась общая судьба славянских народов, противостоящих немецкому натиску на восток. Польское присутствие на белорусско-литовских и украинских землях, ополячивание и окатоличивание населявших их народов получали негативную оценку.

В отличие от всего советского, самодержавие (“царизм”) и Российскую империю предписывалось критиковать, объясняя польскую русофобию неприятием реакционного режима. Положение об объективной прогрессивности (или наименьшем зле) вхождения различных народов в Российскую империю не распространялось на инкорпорацию в нее этнически польских земель. Если польское национально-освободительное движение получало в целом позитивную оценку, то межвоенная “панская” Польша, “пилсудчина” и санация, а также лондонское эмигрантское правительство и некоммунистические партизанские формирования являлись объектами критики. Возрождение польской государственности связывалось прежде всего с Великой Октябрьской социалистической революцией. Освещение послевоенного периода было ориентировано на легитимизацию польского коммунистического режима и советского контроля.

В 1980 г. С. Кеневич охарактеризовал ограничения в исследовании новейшей истории: для межвоенного периода они уже немногочисленны, больше их в отношении Второй мировой войны и первых лет после ее окончания, а история с конца 1940-х гг. остается недоступной для научного изучения. Значительная часть табу была связана с советско-польскими отношениями¹⁴.

Предаваемое забвению формировало тематические приоритеты западной и польской эмигрантской историографии, а также диссидентского самиздата. Прошедший через лагерь советский историк

¹⁴ STEFAN KIENIEWICZ, *Historyk a świadomość narodowa* (Warszawa: Czytelnik, 1982), 310–313.

М. Я. Геллер уехал в ПНР, откуда после всплеска антисемитизма перебрался во Францию. На протяжении почти трех десятилетий он тесно сотрудничал с идейным вождем польской эмиграции Е. Гедройцем.

Польша, в большей степени открытая миру, чем Советский Союз, стала для советской интеллигенции самой популярной социалистической страной. Молодые критически настроенные историки Московского государственного университета из группы Л. Н. Краснопевцева живо интересовались ситуацией в ней, общались с поляками, в том числе с учившимися в Москве польскими студентами, а ее лидер незадолго до ареста совершил в 1957 г. поездку в Польшу по комсомольской линии и контактировал там с оппозиционными кругами. А. Гейштор способствовал участию советских коллег в международных конференциях по экономической истории Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени в итальянском Прато. Впрочем, было бы преувеличением считать польскую науку “окном в мир” для советских историков и говорить о существенном влиянии на их научную продукцию альтернативных версий истории Польши.

В первой половине 1970-х гг. возникла идея дополнить успешно реализуемый проект по восстанию 1863–64 гг. еще одним многотомным изданием источников, которое по цвету суперобложки получило известность как “зеленая серия”¹⁵. Проект охватывал более ранний период польского национального движения, усиливал исследовательскую составляющую и задействовал востребованный в советской гуманитаристике междисциплинарный ресурс, дополнив политическую историю историей культуры.

В середине 1970-х гг. советские участники сотрудничества с “твердой уверенностью” говорили о его продолжении¹⁶. В 1977–79 гг. были изданы совместные исследования по истории советско-польских отношений, подготовленные как академическими учреждениями (Институт славяноведения и балканистики АН СССР и Институт социалистических стран ПАН), так и партийными институциями (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), Институт рабочего движения Высшей шко-

15 Г. В. МАКАРОВА, «Из истории российско-польского научного сотрудничества: публикация источников по истории общественного движения в Королевстве Польском в 30–50-е годы XIX в.», в *Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы: (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше)*, ред. Н. А. МАКАРОВ (Москва: Институт славяноведения РАН, 2011), 108–118.

16 И. А. ХРЕНОВ, “Плодотворное научное сотрудничество советских и польских историков”, *Вестник АН СССР*, no. 10 (1975): 77.

лы общественных наук при ЦК ПОРП). Изложение материала в этих книгах доводилось до построения развитого социализма.

Недостаточно польские историки привлекались советскими коллегами к изучению проблематики переходного периода от феодализма к капитализму, хотя в ПНР работали такие авторитетные специалисты, как Ю. Хлебовчик и В. Куля. Бóльшим было польское участие в проекте, инициированном Международной комиссией по истории славистики, в которой советские историки занимали ключевые позиции. В Институте славяноведения и балканистики готовился труд об исторической науке ПНР с широким участием польских авторов. Однако в 1980-е гг. издание этой уже утвержденной к печати книги сделалось невозможным.

Получивший беспрецедентный международный резонанс кризис в Польше принес тяжелые испытания для сотрудничества историков, которые стали заложниками политической ситуации. В ПНР гуманитарии активно включились в противостояние режиму, основные партнерские институты стали средоточиями оппозиции, настаивавшей не только на отказе от социалистического выбора, но и ликвидации зависимости от СССР. Закрытые темы активно обсуждались в самиздате. С введением военного положения усилился исход научной интеллигенции из ПОРП.

Научное сотрудничество подверглось самому жесткому контролю. Были свернуты обмены, включая практики советских студентов в изучаемой стране. В СССР ссылаться дозволялось лишь на покойных польских историков и тех из числа здравствующих, чья политическая позиция считалась безупречной. В Москве пытались задействовать арсенал контрпропаганды. Однако главный рецепт оставался прежним – продвижение тематики “прогрессивных” традиций взаимодействия народов.

В конце 1982 г. многоопытный советский публицист А. Ю. Кривицкий опубликовал повесть-хронику “Мужские беседы”, в которой наряду с чехословацкой центральное место отводилось польской истории. Неоднократно впоследствии переиздававшийся текст дает хорошее представление о тогдашней политике памяти. Ее характеризует некая Ванда (отсылка к Василевской?), в юные годы воевавшая под началом З. Берлинга. “Три имени олицетворяют народную Польшу, – сообщает она своему советскому собеседнику. – Ее дух, страсть и нежность – Адам Мицкевич; ее военно-революционную отвагу – Тадеуш Костюшко; ее верность идеалам нового мира – Феликс Дзержинский”¹⁷. Все трое – уроженцы белорусско-литовских земель. Первые двое, давно вошедшие в поль-

17 А. Кривицкий, “Мужские беседы”, Москва, по. 11–12 (1982).

ский национальный пантеон, боролись с Российской империей, врагом которой был и Дзержинский, востребованный в качестве связующего звена между Советской Россией и революционной Польшей.

Разбирая сочинение Кривицкого, М. Я. Геллер писал о “Польше, которая нравится советским идеологам”: “Это выдуманная страна, с выдуманной историей и людьми, это модель Польши, которая должна существовать. История польско-русских отношений должна выглядеть так: ‘На протяжении веков две страны – Россия и Польша – были связаны славянским родством, географическим положением, периодами борьбы с общим врагом, по временам драматическими расхождениями и, наконец, единой цепью революционного процесса, кровавой войной против военной силы фашизма, совместным строительством нового мира’”¹⁸. Хотя представленное таким образом прошлое нельзя считать полностью выдуманным, налицо его обеднение и искажение.

Большой резонанс получила опубликованная в апреле 1984 г. в журнале “Вопросы истории” статья Е. А. Амбарцумова – сотрудника Института экономики мировой системы социализма АН СССР, где изучалась преимущественно современная проблематика. Проводившая параллели между ситуацией в Советской России в 1921 г. и послевоенными кризисами в странах советского блока работа получила поддержку влиятельного сотрудника аппарата ЦК КПСС А. С. Черняева и была благожелательно встречена в Варшаве, причем не только в кругах партийных “ревизионистов”. Однако позитивная реакция польского руководства спровоцировала протест советских кураторов науки. Хотя статью публично осудили, в целом научное сообщество отнеслось к опальному автору сочувственно¹⁹. Этот эпизод свидетельствует о существовании различных течений в советских политических и научных кругах накануне перестройки, а также разногласиях между советской и польской сторонами. Различные подходы к политике памяти наметились и в верхах ПОРП²⁰.

В крайне сложной обстановке давние связи позволили продолжить взаимодействие. В 1986 г. умершего сопредседателя двусторонней ко-

18 М. Я. Геллер, *Российские заметки 1980–1990* (Москва: МИК, 2001), 196.

19 А. С. Черняев, *Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы*, <https://nsarchive.gwu.edu/document/25157-document-13-dnevnik-aschernaeva-za-1984-god> (Дата обращения: 29 ноября 2025 г.); Геллер, *Российские заметки*, 313–314.

20 М. А. Мартыненко, *Историческая политика Польской Народной Республики в 1981–1989 гг.: трансформация курса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук* (Ростов-на-Дону, 2024).

миссии Л. Базылева сменил Ю. Бардах. Представители старшего поколения передавали свои зарубежные контакты ученикам. В пору, когда поездки в Польшу советских историков стали проблематичными, заметным явлением сделалось продолжительное пребывание в СССР польских историков разного возраста и статуса. В 1980-е гг. поляки стажировались, готовили и защищали диссертации в СССР.

Усилия сосредоточились на спасении ранее начатых проектов. Во второй половине 1980-х гг. было торжественно отмечено завершение 25-томника, посвященного восстанию 1863–64 гг. Тогда же вышел из печати последний, двенадцатый, том источников по советско-польским отношениям, которые получили в нем освещение до 1965 г. Хотя проект планировалось довести до современности, двигаться к Пражской весне стало невозможно. “Зеленую серию” удалось сохранить, введя в ее редакционный совет ряд советских и польских членов, выступивших в качестве гарантов политической благонадежности издания. Реализация плана замедлилась, и в 1980-е гг. увидели свет только три тома²¹.

Почти три десятка объемных томов документов XIX в. по праву считаются самым весомым результатом послевоенного сотрудничества. Огромная и добросовестная архивная и археографическая работа, а также смелость участников проектов внушают большое уважение. Научная публикация источников помогала изучать не только борьбу поляков с Российской империей, но и целый ряд других тем. Исследование взаимодействия польских и русских революционеров поначалу отличалось научной новизной. Долгосрочные международные проекты способствовали кадровому развитию науки и коммуникации историков двух стран.

Однако со временем концентрация на достаточно узкой тематике сформировала своего рода гетто в советской исторической полонистике и двустороннем сотрудничестве, поглощавшее избыточное количество ресурсов. Поощрение одних тем сопровождалось игнорированием прочих, что в постсоветское время признал В.А. Дьяков²².

Согласованность политики памяти не равнозначна зеркальной взаимовыгодности сотрудничества. Польские историки смогли ввести в

21 МАКАРОВА, “Из истории российско-польского научного сотрудничества”, 114.

22 В. А. Дьяков, «Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832–1855)», в *Католицизм в России и православие в Польше (XI–XX вв.)*, ред. Ю. БАРДАХ, Я. ЩАПОВ (Warszawa: Upowszechnianie Nauki – Oświata “UN-O”, 1997), 192.

оборот огромный массив документов советских архивов, компенсируя катастрофические потери собственного архивного фонда. Фактически советские историки работали на польский национальный нарратив, легко трансформируемый в националистический. На первый план выходили героика сопротивления, принесенные на алтарь отечества жертвы, достижения поляков в России. Дореволюционная российская государственность представлялась однобоко и предвзято. В освещении “короткого” XX века, напротив, польской стороне приходилось соблюдать строгие советские требования.

Перестройка в СССР позволила команде В. Ярузельского, остро нуждавшейся в повышении своей популярности, предложить советскому руководству разработку запретных сюжетов. В условиях падения интереса Москвы к социалистическому лагерю ее согласие следует связывать прежде всего с трансформацией советской политики памяти в направлении десталинизации.

21 апреля 1987 г. Горбачев и Ярузельский подписали “Декларацию о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры”. Ставя по-прежнему на первый план объединяющие моменты, документ осуждал то, что наносит вред советско-польской дружбе, и призывал ликвидировать “белые пятна” истории. Формы сотрудничества надлежало привести “в соответствие с возросшим интеллектуальным потенциалом наших народов, с требованием времени”. В частности, поощрялось создание совместных трудов. Обещалось устранить “компанейщину и декларативность”²³.

В свете новых вводных Институт славяноведения и балканистики подготовил перспективный план разработки польской проблематики, машинописной копией проекта которого располагает автор настоящей статьи. В нем указывалось, что предлагаемые в декларации формы сотрудничества уже апробированы. При введенных ограничениях затруднительно оказывать благотворное воздействие на польских коллег: “с осени 1980 года советско-польское научное сотрудничество было почти полностью прекращено, работы советских ученых нельзя было публиковать в польских изданиях, а в нашу научную печать польская тематика допускалась в самых микроскопических дозах”. Следует отменить запрет на упоминание имен польских ученых и переводы их

23 *Визит в Советский Союз Первого Секретаря ЦК ПОРП, Председателя Государственного совета ПНР Войцеха Ярузельского, 21–22 апреля 1987 г. Документы и материалы* (Москва: Политиздат, 1987).

трудов на русский язык. Необходим беспрепятственный доступ к архивным материалам. Документальную серию по истории советско-польских отношений предлагалось дополнить, что означало признание ее селективности. Таким образом, советские полонисты стремились использовать новую конъюнктуру для развития сотрудничества с польскими коллегами.

Решение поставленных в декларации задач было поручено Комиссии ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, базовым учреждением которой в СССР стал ИМЛ. Советским сопредседателем ее назначили члена ЦК КПСС, специалиста в области “научного коммунизма” Г. Л. Смирнова, в недавнем прошлом советника Горбачева и будущего директора ИМЛ. Возрождался формат взаимодействия партийных историков, которым в условиях кризиса коммунистических режимов доверялось дозированное раскрытие тайн истории. В состав комиссии вошли представители академической науки, причем не только полонисты. Из числа специалистов по истории Польши продуктивно работали в ней, в частности, В. С. Парсаданова и И. С. Яжборовская.

Во главе польской части комиссии поставили Я. Мацишевского, ректора Академии общественных наук и члена ЦК ПОРП, но при этом специалиста по Речи Посполитой XVII–XVIII вв. Следовательно, при выборе первых лиц руководствовались их политической репутацией, а не компетентностью в той предметной области, которой предстояло заниматься комиссии, впервые собравшейся в мае 1987 г. Широкий круг “белых пятен” свели к нескольким наиболее острым сюжетам межвоенного периода и Второй мировой войны.

В январе 1989 г. результаты и планы работы комиссии были представлены на Первом всесоюзном совещании историков-полонистов в Институте славяноведения и балканистики. На этом представительном форуме обсуждались все периоды двусторонних отношений, что позволило провести общую инвентаризацию “белых пятен”.

На высоком государственном уровне были признаны существование секретных советско-германских протоколов и советская ответственность за катынские расстрелы²⁴. В декабре 1989 г. соратник Горбачева А. Н. Яковлев сделал доклад о пакте Молотова – Риббентропа на съезде народных депутатов СССР, в постановлении которого очевидна недооценка контекста советско-германского сближения. После

24 И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ, А. Ю. ЯБЛОКОВ, В. С. ПАРСАДАНОВА, *Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях* (Москва: РОССПЭН, 2009).

самороспуска ПОРП в январе 1990 г. формат сотрудничества партийных историков стал невозможным. Однако в апреле на встрече Горбачева с Ярузельским (оба выступали уже в новом качестве президентов) советская сторона осудила проведенную НКВД весной 1940 г. ликвидацию польских военнопленных.

Работа комиссии партийных историков явилась последним опытом согласования политики памяти до распада советского блока и СССР. Далеко не все ее планы и замыслы Института славяноведения и балканистики удалось претворить в жизнь. Однако комиссия начала совместное изучение запретных тем с последующим принятием по ним политических решений. Возобновился перевод на русский язык исследований польских ученых, в том числе содержащих серьезную теоретическую рефлексию (труды М. Оссовской и Е. Шацкого).

В конце 1980-х гг. стало возможным исследование развития сотрудничества советских и польских историков. Автор настоящей статьи обратился к истокам послевоенных советско-польских контактов с привлечением архивного материала. Позднее в разработку темы включились польские исследователи, в том числе Р. Стобецкий и Я. Шумский, который подробнее других осветил взаимодействие историков до середины 1960-х гг. Комиссия историков России и Польши сделала историю научных связей своим приоритетом. В диссертации М. А. Мартыненко рассматриваются альтернативные версии политики памяти Польши 1980-х гг., продвигавшиеся оппозицией и различными группами партийно-государственной элиты, однако советский фактор остался им явно недооценен.

Итак, согласованная политика памяти задавала тематические приоритеты и зоны забвения, способы интерпретаций и оценки, формы сотрудничества и состав его участников, расставляла акценты в вопросах исторической преемственности. Сверхзадачей являлось укрепление советско-польских отношений в понимании правящих режимов.

Неверно все сводить к диктату Москвы. Не ставилось цели заставить польских партнеров полностью копировать путь становления советской исторической науки. Польская сторона являлась инициатором как обновления повестки сотрудничества, так и ужесточения охранительных мер. И советские, и польские историки не избежали соблазна выступить в роли комиссаров, блюдущих теоретико-методологическую безупречность науки.

В русле советизации польской исторической науке предписывалось сделаться безальтернативно марксистской, приняв за теоретическую

рамку учения о смене общественно-экономических формаций, взаимодействии базиса и надстройки, движущей силе классовой борьбы, критериях прогрессивности. Соответственно, при обсуждении меганарративов на первый план выходили вопросы периодизации и терминологии²⁵. Приспособление к новой ситуации осложнялось тем, что нормативный канон определяли не только фундаментальные постулаты, но и импульсы текущей конъюнктуры.

Влияние марксизма на польскую историографию прослеживалось и до войны. Послевоенный левый поворот польской интеллигенции способствовал повышенному вниманию к социальным низам и экономическим условиям, протестным движениям и революционной мысли. Не была несовместимой с историческим материализмом теория модернизации. Некоторые советские и польские историки, рискуя быть обвиненными в ревизионизме, демонстрировали творческий, неортодоксальный подход. Принятие марксизма зачастую носило декларативный характер, сводясь к цитированию классиков.

Основной областью советско-польского сотрудничества стало изучение прошлого двусторонних отношений. Большое значение имело также исследование истории Польши в СССР и России в ПНР. Поощрялось обращение к новейшему периоду, что долгое время являлось занятием малопродуктивным ввиду ограниченного доступа к архивным материалам, табуированности многих фигур и самого жесткого контроля.

Историкам надлежало подчеркивать объединявшие народы моменты. Приоритетом становились “прогрессивные” течения, особенно те, которые придерживались социалистического выбора. “Реакционные” силы не становились предметом изучения или освещались схематично и тенденциозно. Утаивание правды и подмена ее ложью, как казалось, во имя дружбы братских народов, имели прямо противоположный эффект.

Взаимодействие историков нередко выходило за рамки официального регламента. Известны случаи, когда советские историки, нарушая правила, помогали польским коллегам получить доступ к архивным материалам. Порой удавалось добиться публикации “проблемного” источника под личную ответственность историка. Советские и польские партнеры опекали друг друга в своих странах. В то же время при-

25 См.: В. С. Груздинская, “Обучая(сь) марксизму по-советски, или Как писались национальные истории стран Восточной Европы в 1950-е годы”, Россия и современный мир, no. 3 (124) (2024): 157–172, <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.10>.

ходилось действовать в “заданных условиях”, что исключало открытый нонконформизм.

В рассматриваемой области между социалистическим и постсоциалистическим периодами существует значительная преемственность, обусловленная профессиональной заинтересованностью, человеческим фактором и взвешенной научной дипломатией. Российско-польское сотрудничество удалось не только сохранить, но и в ряде отношений расширить. В фокусе внимания остались “белые пятна” (“черные пятна”, “сложные вопросы”), разработка которых сопровождалась публикацией источников. Получило продолжение исследование темы польской ссылки. Отметим свой полувековой юбилей старейшая двусторонняя комиссия, сохранились связи между академическими институтами и университетами, не прервалась работа по выпуску “зеленой серии”. Новым направлением сделалось совместное имагологическое изучение стереотипов взаимного восприятия русских и поляков, что позволило обратиться к анализу конфликтов между ними.

В условиях очень непростых российско-польских межгосударственных отношений, в которых исключительно важное место заняла историческая повестка, взаимодействие историков продолжалось вплоть до весны 2022 г., когда руководство Польши приняло политическое решение о его приостановке.

References

- V. Iu. AFIANI (ed.), *Ideologicheskie komissii TsK KPSS, 1958–1964: Dokumenty* [Ideological Commissions of the Central Committee of the CPSU, 1958–1964: Documents] (Moskva: ROSSPEN, 1998), 275–281.
- V. Iu. AFIANI, E. D. ESAKOV (ed.), *Akademiia nauk v resheniiakh TsK RKP(b)-VKP(b)-KPSS, 1922–1991* [The Academy of Sciences in the Decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)-All-Union Communist Party (Bolsheviks)-CPSU, 1922–1991. Vol. 2: 1952–1958] (Moskva: ROSSPEN, 2010), Tom 2: 1952–1958, 689–691.
- V. G. BUKHERT (ed.), A. L. Sidorov. *Nauchno-dokumental'noe nasledie: vospominaniia, perepiska* [A.L. Sidorov. Scientific and Documentary Heritage: Memoirs and Correspondence] (Moskva: Arkhiv RAN, 2025).
- A. S. CHERNIAEV, “Sovmestnyi iskhod: dnevnik dvukh epokh, 1972–1991 gody” [A Shared Outcome: A Diary of Two Eras, 1972–1991]. <https://nsarchive.gwu.edu/document/25157-document-13-dnevnik-aschernyaeva-za-1984-god> (Accessed November 29, 2025)
- M. Iu. DOSTAL', “Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavianovedenie v period Vtoroi mirovoi voiny i pervye poslevoennye gody)” [Like a Phoenix from the Ashes... (Russian Slavic Studies during World War II and the First Post-War Years)] (Moskva: Indrik, 2009).
- V. A. D'IAKOV, “Karatel'naia politika tsarizma po otnosheniiu k katolicheskomu dukhovenstvu (1832–1855)” [Tsarist Punitive Policy towards the Catholic Clergy (1832–1855)] v *Katolitsizm*

- v *Rossii i pravoslavie v Pol'she (XI–XX vv.)*, ed. Iu. BARDAKH, Ia. N. SHCHAPOV (Warszawa: Upowszechnianie Nauki – Oświata “UN-O”, 1997): 192–209.
- E. D. ESAKOV (ed.), *Akademiia nauk v resheniiakh TsK RKP(b)-VKP(b)-KPSS, 1922–1991* [The Academy of Sciences in the Decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)-All-Union Communist Party (Bolsheviks)-CPSU, 1922–1991. Vol. 1: 1922–1952] (Moskva: ROSSPEN, 2000), Tom 1: 1922–1952.
- M. IA. GELLER, *Rossiiskie zametki 1980–1990* [Russian Notes 1980–1990] (Moskva: MIK, 2001).
- L. E. GORIZONTOV, “Metodologicheskii perevorot’ v pol’skoi istoricheskoi nauke na rubezhe 1940–1950-kh godov i sovetskie istoriki” [“The Methodological Revolution” in Polish Historical Science at the Turn of the 1940s and 1950s and Soviet Historians”], *Slavianovedenie*, no. 6 (1993): 150–166.
- V. S. GRUZDINSKAIA, “Obuchaia(s’) marksizmu po-sovetski, ili Kak pisalis’ natsional’nye istorii stran Vostochnoi Evropy v 1950-e gody” [Teaching Marxism the Soviet way, or how National Histories of Eastern European Countries were written in the 1950s], *Rossiiia i sovremennyi mir*, 3 (124) (2024): 157–172. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.10>.
- I. S. IAZHBOROVSKAIA, A. Iu. IABLOKOV, V. S. PARSADANOVA, *Katynskii sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossiisko-pol'skikh otnosheniiakh* [The Katyn Syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish Relations], (Moskva: ROSSPEN, 2009).
- I. A. KHRENOV, “Plodotvornoe nauchnoe sotrudnichestvo sovetskikh i pol'skikh istorikov” [Fruitful Scientific Cooperation between Soviet and Polish historians], *Vestnik AN SSSR*, no. 10 (1975): 68–77.
- STEFAN KIENIEWICZ, *Historyk a świadomość narodowa* [The Historian and National Consciousness] (Warszawa: Czytelnik, 1982).
- A. KRIVITSKII, “Muzhskie besedy” [Men’s Conversations], *Moskva*, no. 11–12 (1982).
- G. V. MAKAROVA, “Iz istorii rossiisko-pol'skogo nauchnogo sotrudnichestva: publikatsiia istochnikov po istorii obschestvennogo dvizheniia v Korolevstve Pol'skom v 30–50-e gody XIX v.” [From the History of Russian-Polish Scientific Cooperation: Publication of Sources on the History of the Social Movement in the Kingdom of Poland in the 1830s–1850s] v *Sotrudnichestvo rossiiskikh i pol'skikh istorikov: dostizheniia, problemy, perspektivy: (Izuchenie i publikatsiia istoricheskikh istochnikov v Rossii i Pol'she)*, ed. N. A. MAKAROV (Moskva: Institut slavianovedeniia RAN, 2011), 108–118.
- L. P. MARNEI, “Komissiia istorikov SSSR i PNR 1965–1968 godov: k istorii osnovaniia” [The Commission of Historians of the USSR and the PRL, 1965–1968: On the History of the Foundation] v *Rossiiia v pol'skoi istoriografii, Pol'sha v rossiiskoi istoriografii (k 50-letiu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi)*, ed. N. A. MAKAROV (Moskva: Indrik, 2017), 43–60.
- M. A. MARTYNYENKO, *Istoricheskaiia politika Pol'skoi Narodnoi Respubliki v 1981–1989 gg.: transformatsiia kursa*. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The Historical Policy of the Polish People’s Republic in 1981–1989: Course Transformation] (Rostov-na-Donu, 2024).
- I. S. MILLER, *Issledovaniia po istorii narodov Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy XIX v.* [Research on the History of the Peoples of Central and Eastern Europe in the 19th Century] (Moskva: Nauka, 1980).
- K. MODZELEVSKII, “Osvobodit’ stranu ot natsistov – otstoiat’ universitet pri kommunistakh. Grazhdanski put’ Aleksandra Geishtora” [To Liberate the Country from the Nazis – to Defend the University under the Communists. Alexander Gieysztor’s Civil Path] v *Pol'sha, Rossiia i Evropa v sud'be istorika. K stoletiu Aleksandra Geishtora*, ed. L. E. GORIZONTOV (Moskva: Institut vseobshchei istorii RAN, 2016), 63–73.
- A. M. OREKHOV, “XX s’ezd KPSS i polozhenie v Pol'she. Sovetskie i polskie rukovoditeli na Staroi Ploshchadi” [The 20th Congress of the CPSU and the situation in Poland. Soviet and Polish leaders at the Old Square], *Slavianskii al'manakh*, no. 16 (2011): 510–535. <https://doi.org/10.31168/2073-5731>

L. RAKOVSKII, *Generalissimus Suvorov* [Generalissimo Suvorov] (Moskva, Leningrad: Goslitizdat, 1947).

JAN SZUMSKI, *Polityka a historia: ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964* [Politics and History: The USSR and Historical Scholarship in Poland, 1945–1964] (Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2016).

Vizit v Sovetskii Soiuz Pervogo Sekretaria TsK PORP, Predsedatelja Gosudarstvennogo soveta PNR Voitsekha Jaruzel'skogo, 21–22 aprelia 1987 g. Dokumenty i materialy [Visit to the Soviet Union by Wojciech Jaruzelski, First Secretary of the Central Committee of the Polish United Workers' Party and Chairman of the State Council of Poland, 21–22 April 1987. Documents and Materials] (Moskva: Politizdat, 1987).